

А.И. Сакса, Ю.-П. Таавитсайнен

А.М.Тальгрэн и российская археология. Опыт сотрудничества российских и западных археологов

Keywords: archaeology, Finno-Ugric, scientific contacts, historiography.

Cuvinte cheie: arheologie, popoare fino-ugrice, contacte științifice, istoriografie.

Ключевые слова: археология, финно-угры, научные контакты, историография.

A. I. Saks, J.-P. Taavitsainen

A. M. Tallgren and Russian Archaeology. Experience of Cooperation between Russian and Western Archaeologists

The article deals with little-known history of co-operation between Finnish and Russian archaeologists that developed in large part due to a significant spread, chronological, and typological diversity of archaeological sites of the Finno-Ugric peoples. One of these scientific driving forces was A.M. Tallgren, who founded the magazine *Eurasia Septentrionalis Antiqua* (ESA), which served as a bridge between Russia and Western archaeologists and made possible familiarization with advanced research.

A. I. Saks, J.-P. Taavitsainen

A. M. Tallgren și arheologia rusă. Experiența de cooperare între Rusia și arheologii occidentali

Articolul dezvoltă paginile mai puțin cunoscute din istoria de cooperare între arheologii finlandezi și ruși, care s-a dezvoltat în mare parte datorită răspândirii ample, diversității cronologice și tipologice a monumentelor arheologice ale popoarelor fino-ugrice. Unul dintre aceste „motoare ale științei” a fost A.M. Tallgren, fondator al revistei „Eurasia Septentrionalis Antiqua” (ESA), care a servit ca punte de legătură între Rusia și arheologii occidentali, făcând posibilă familiarizarea cu cele mai recente cercetări.

А.И. Сакса, Ю.-П. Таавитсайнен

А.М. Тальгрэн и российская археология. Опыт сотрудничества российских и западных археологов

В статье рассматриваются малоизвестные страницы истории сотрудничества финских и российских археологов, развивавшегося в большой степени благодаря значительному распространению, хронологическому и видовому разнообразию археологических памятников финно-угров. Одним из таких двигателей науки был А.М. Тальгрэн, основавший журнал *Eurasia Septentrionalis Antiqua* (ESA), который послужил мостом между археологами России и Запада и сделал возможным знакомство с материалами новейших исследований.

Оценивая деятельность Евгения Александровича Рябинина в области изучения древнего прошлого финно-угорских народов и его вклад в сотрудничество с коллегами из Финляндии, следует вспомнить самое начало финно-угроведения в целом и археологических исследований на территории расселения финно-угров в частности. Оно отмечено целым рядом сохраняющих и поныне значение серьезных научных работ и тесным взаимодействием между учеными наших стран, которое стало возможным с включением Финляндии около 200 лет тому назад в статусе автономного Великого

княжества в состав Российской империи. В это же время растет национальное сознание в стране и значительно усиливается интерес к истории населявших ее народов, с чем связано создание различных научных обществ. С учетом значительного финно-угорского населения Империи, это особенно отразилось в деятельности и на результатах работ фольклористов и языковедов, историков и археологов.

Второй этап плодотворного сотрудничества начался со второй половины 1970-х годов (1976 г.) и был связан с формированием в Ленинградском отделении института архео-

логии АН СССР сектора славяно-финской археологии под руководством профессора А. Н. Кирпичникова и деятельностью рабочей группы по археологии комитета по научно-техническому сотрудничеству между СССР и Финляндией. Сопредседатель советской части группы директор Института археологии АН СССР академик Б. А. Рыбаков совместно с А. Н. Кирпичниковым и профессором К. Ф. Мейнандером — председателем финской части рабочей группы — и остальными членами рабочей группы провели большую научно-организационную работу, вследствие которой проводились совместные симпозиумы и осуществлялись научные проекты, происходил обмен информацией и учеными, появилась целая плеяда молодых исследователей в обеих странах, специализирующихся в археологии финно-угров. По образному выражению Анатолия Николаевича Кирпичникова, написанные к настоящему времени совместные труды и издания симпозиумов составляют целую научную библиотеку. Среди российских и прибалтийских археологов в этой работе особую роль играл Е. А. Рябинин, который, наряду с В. В. Седовым, пользовался заслуженным авторитетом среди нас, более молодых участников советско-финского сотрудничества в области археологии. Это время вплоть до конца 1990-х гг. вспоминается своим настроением и результатами; мы как будто вновь, после последовавшего после двух войн 1939—1940 и 1941—45 гг. перерыва, открыли друг друга и те возможности, которые возникли благодаря «стиранию границ» как по территории исследований, так и по проблематике. В значительной степени оно напоминает то далекое начало второй половины 1880-х — первой трети 1900-х годов, значительно менее у нас известное.

Археологическая наука в Финляндии организационно оформляется в 1884 г. с созданием в столице страны г. Хельсинки археологической комиссии — прародительницы современного Музейного ведомства Финляндии (*Museovigasto*). Однако собственно археологическая деятельность началась в стране несколько раньше; с середины века во все возрастающем количестве стали выходить научные публикации, что было в русле общей тенденции в странах Скандинавии, Западной Европы и в России. С 1862 г. в Хельсинкском университете стал преподавать Я. Р. Аспелин, ставший в 1878 г. первым профессором археологии, которого можно считать родоначальником финской археологической науки и основателем финно-угорской археологии. По его инициа-

тиве еще в 1870 г. было основано Общество древностей, в задачу которого входило изучение всевозможных древних остатков на территории Финляндии. Общество проводило большую работу по учету археологических памятников. С этой целью раздавались специальные стипендии студентам и учителям, которые собирали сведения о памятниках различных уездов. В конечном итоге, все данные собирались в отчеты, часть которых затем была опубликована. Среди этих стипендиатов были и такие известные впоследствии археологи, как Х. Аппельгрэн и А. Европеус. В изданиях Общества¹ опубликована большая часть данных по археологии и научных статей. С организацией археологической комиссии — центрального государственного учреждения — к ней перешли функции по охране и изучению древних памятников. Председателем комиссии назначался так называемый государственный археолог — должность, которая существует и поныне. Первым этот пост занял Я. Р. Аспелин.

Все эти организационные мероприятия и обстановка подъема национального самосознания в стране, вызвавшая к жизни идеи национального романтизма, способствовали активизации полевых исследований и, в целом, расцвету таких наук, как археология, фольклористика и языковедение. Помимо Финляндии в составе Российской империи, последнюю населяли наряду с другими и многочисленными финно-угорскими народами. Пробудившийся в Финляндии интерес к этим народам, разбуженный в значительной степени публикацией Элиасом Лёнротом в 1835 г. рун Калевалы, вызвал поездки многих финских ученых к местам их расселения. И здесь в части изучения древнего прошлого финно-угорских народов ведущая роль принадлежала Я. Р. Аспелину, который предпринял в 1871—1874 гг. ряд длительных научных поездок в Россию. На основе собранных материалов им был создан обобщающий труд по финно-угорской археологии — его докторская диссертация «Основы финно-угорской археологии» (1875 г.), позднее дополненная 5-томным атласом «Древности финно-угорского севера» (1877—1884 гг.). Эта работа не могла бы быть выполнена, если бы археология в России, в том числе и изучение памятников финно-угров, не достигла во второй половине XIX в. такого уровня накопления материалов и их осмысления, который

¹ Suomen Muinaisyhdistyksen Aikakauskirja (SMYA), а также в Suomen Museo (SM), Finskt Museum (FM), Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA), которое стало продолжением научным «детисцем» А. М. Тальгрена.

позволял буквально за короткое время создавать обобщающие работы с классификацией археологических находок как по культурной принадлежности, так и по эпохам. Следует отметить, что значительное количество этого материала Я. Р. Аспелин собрал по коллекциям музеев, широкой сетью покрывших Россию в третьей четверти XIX в.

А.М. Тальгрэн свою первую поездку в Россию совершил в 1908 г., увлекшись под влиянием своего учителя Я.Р. Аспелина изучением финно-угорских древностей, прежде всего урало-алтайской бронзы. Последующие поездки он предпринял в 1909 и 1915 гг. География его путешествий включала в себя центральные, северные и восточные губернии Европейской России, а также Сибирь. Во время этих поездок, длившихся месяцами, проводились и археологически раскопки, отчеты о которых сохранились в архиве Императорской археологической комиссии (рукописный архив ИИМК РАН).

Свободно владея русским языком, Михаил Маркович Тальгрэн, как он именовался в официальной переписке с ИАК и некоторыми российскими коллегами, уже во время своих первых посещений России завязал тесные контакты с целым рядом археологов, работавших в научных и музейных центрах Москвы, Петербурга, Казани, Перми, Минска. В целом, за период с 1908 по 1939 г. им было получено из России и различных регионов и республик СССР 525 писем и открыток (последних неизмеримо меньше)². В переписке с А.М. Тальгрэном в разное время состояли в общей сложности 101 человек (включая и эмигрировавших из Советской России ученых).

В письмах, направленных А.М. Тальгрэну, представлены практически все регионы страны, от Украины и Белоруссии на западе до Сибири на востоке, а также Крым и Кавказ на юге. Содержащиеся в них научные темы поражают своей масштабностью и охватом актуальных проблем. Переписка ученого имеет свои пики интенсивности в определенные периоды его творческой деятельности, связанные с поездками по России, и позднее еще с издательской деятельностью Тальгрэна. Элла Кивикоски, хорошо знавшая А.М. Тальгрэна и ставшая после него профессором кафе-

дры археологии Хельсинкского университета, отмечала, что поездки А.М. Тальгрэна в Россию означали для него подъем в научной работе (Kivikoski 1960: 34).

Первые два письма относятся в 1908 г., когда А.М. Тальгрэн проделал свою первую, длившуюся с сентября до середины декабря, ознакомительную поездку в музеи Санкт-Петербурга, Москвы и Казани. На следующий год география интересующих его мест расширяется: помимо Санкт-Петербурга, Москвы и Казани, в этот круг попадают Кострома и Архангельск. Легче всего ему работалось, по свидетельству Эллы Кивикоски, в Санкт-Петербурге, где помогал А.А. Спицын (Kivikoski 1960: 26). Вплоть до следующей поездки в 1915 г. значительной активности в переписке не отмечается (за 1908—1914 гг. 16 писем и 3 почтовые открытки). Однако из писем явствует, что уже в этот период между финскими и российскими археологами были налажены тесные контакты. Обычными темами переписки стали обмен литературой и информацией о памятниках и новых открытиях. Отдельно следует выделить А.А. Спицына в Санкт-Петербурге и В.А. Городцова в Москве, ставших многолетними корреспондентами А.М. Тальгрэна (в первом случае 20 писем и 6 почтовых открыток за 1909—1929 гг. и во втором соответственно 22 и 1 за 1908—1921 гг.). Если переписка со Спицыным носила более академический характер (обмен работами, информацией, ответы на вопросы) и отчасти официальный (отношения с ИАК [Императорская археологическая комиссия] в части разрешений и отчетов по раскопкам, представления находок и определение мест их дальнейшего хранения), то Городцов выступает в письмах как более темпераментный ученый. Так, в письме от 17.01.1909 г. он, рассказывая о предстоящем XV-м археологическом съезде в Новгороде, добавляет, что ожидают приезда финских, шведских и северо-германских ученых. Совместная же работа русских и финских археологов должна дать много пользы науке. В.А. Городцов даже собирается изучать финский язык.

По-видимому, именно поездка 1915 г. была для А.М. Тальгрэна наиболее важной, удовлетворяющей всю широту его интересов и определившей основное направление его работы на последующие годы. Маршрут ученого включал посещение Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Саратова, Перми, Екатеринбургa, Омска, Красноярска, Минусинска. Не случайно именно после встреч с учеными этих центров А.М. Тальгрэн

² Письма хранятся в библиотеке Университета Хельсинки и были обнаружены и просмотрены коллегой из Финляндии Ю.-П. Таавитсайненом и вторым российским автором данной статьи. К сожалению, ответных писем Тальгрэна российским коллегам в архиве Академии Наук (в том числе и личных) не выявлено.

впервые в одном из писем 1916 г. поднимает вопрос об издании журнала по проблемам археологии Евразии (Kivikoski 1960: 37).

Переписка 1915 г. и последующих годов наиболее интенсивна в дореволюционные годы (1915 г. — 30 писем и открыток, 1916 г. — 16 и 1917 г. — 23); она отмечена установившимися общими научными интересами и контактами. Уже упоминавшийся В. А. Городцов информирует А. М. Тальгрена о своих раскопках на Оке, а в подробном письме от 21.11.1915 г. высказывает свои соображения о культурах фатьяновского времени на обширной территории Европы с приложением выполненной от руки карты. Здесь же он дискутирует по поводу статей Косинны.

Помимо В. А. Городцова и А. А. Спицына в переписке с А. М. Тальгреном в эти годы состояли А. В. Адрианов (1 письмо), И. А. Анненский (1), Т. Т. Бахов (2), Вл. Богданов (2), В. В. Гольмстен (2), Н. С. Гуляев (1), А. Данилов (1), А. С. Лебедев (8), Н. Е. Макаренко (2), А. Миллер (2), Н. М. Могилянский (1), А. Н. Муравьев (3), Н. В. Некрасов (1), Н. А. Пикулевич (3), К. Н. Поликарпович (1), М. И. Ростовцев (3), С. И. Сергеев (1), В. Ф. Смолин (2), А. К. Сыропятов (1), В. В. Фармаковский (2), М. Н. Хвостов (2), М. Худяков (2). Представлены практически все регионы, где побывал Тальгрэн. Идет обычный обмен информацией, научными изданиями.

Вместе с тем, в научной переписке появляются новые содержание и тональность, привнесенные грядущими революциями в России. Так, Н. Могилянский в письме из Петрограда от 19.07.1917 г. пишет о «безумной политике» и надежде, что «недоразумения времени, искусственно раздуваемые, должны уступить место взаимному пониманию и уважению». Не забывает он и Финляндию, за которую «все культурные люди России страдали, когда безответственные люди накладывали на нее свою грязную руку». Выражает уверенность, что разум и правда в конце концов восторжествуют. В. А. Городцов в 1917 г. был готов предложить для показа в Финляндии одно из 4-х погребений Подболотьевского могильника, однако помешали «бурные политические события в конце августа» (05.10.1917). В этом же письме он пишет, что и его политика захватила. В следующем письме от 25 октября 1917 г. Городцов благодарит Тальгрена «за теплое отношение к русской многострадальной, несчастной, но великой интеллигенции». Также выражает надежду,

что «...болезнь пройдет. Русская интеллигенция восприняет и поведет свой недостойный ее народ к свету разума, к правде и добру». М. И. Ростовцев в письме от 17.05.1917 г. спрашивает, верны ли слухи о бойкотировании русских в Финляндии. При положительном ответе он туда не поедет.

После 1917 г. переписка сократилась до 1—3 писем и почтовых открыток в год. 1922 г. и вовсе не отмечен ни одним письмом. Это обусловлено как прекращением исследований в связи с гражданской войной, так и с закрытием границы и практическим прекращением почтовых связей с Финляндией, возобновленных лишь к 1923 г. Этот период заполнен больше перепиской с учеными из России, оказавшимися по разным причинам за рубежом. Из Стокгольма пишет 17.08.1918 г. М. И. Ростовцев. Рассказывает о своей книге, посвященной скифам и Боспорскому царству. Новости из Петербурга — занимаются реформой Археологического института, куда пошел и он, но нет людей, хотя и создали хороший план. Приглашает читать лекции А. М. Тальгрена. Следующее письмо от 06.11.1919 г. пришло уже из Оксфорда. Михаил Иванович сожалеет, что после своего отъезда летом 1918 г. не имеет изданий Академии наук. Пишет с горечью о том, что люди не хотят понимать, что большевизм делается все более грозной мировой опасностью. О том же пишет 27.11.1919 г. и П. Шкирко с фронта (г. Балтийский Порт).

К проблемам археологической науки в стране возвращает письмо В. А. Городцова от 07.02.1921 г., в котором он сообщает о новых работах и находках и выражает сожаление, что в поволжских городах нет почти ни одного специалиста, за исключением Самары, где работает Вера Владимировна Гольштейн (согласно одному из ее писем Тальгрэну, оставившая Москву в 1919 г.). Далее Городцов дополняет, что в Саратове Ф. В. Баллад, «но ему мешают АИМК (Академия истории материальной культуры), создавшаяся из зловредной ИАК. Это вновь возродившийся бич русской археологии. Это очень грустное новое явление». Фактически это единственная откровенно негативная оценка созданной (по декрету Совнаркома!) Российской Академии истории материальной культуры, данная на момент ее создания постоянно работающим в Советской России ученым. Отметим все же, что написанное принадлежит московскому ученому, что в той ситуации имело значение. В целом же письма В. А. Городцова выходят за рамки обычного обмена информацией, это актив-

но и последовательно проводимая дискуссия о памятниках эпохи бронзы и связанных с ними научных проблемах.

Пик писем А.М. Тальгрэну приходится на 1925—1929 гг. Рекордное их количество (89) пришлось на 1928 г. Это связано с возобновившимися контактами и поездками Тальгрэна уже в Советскую Россию, притоком новых кадров в науку и, наконец, начавшим выходить в свет *ESA* (*Eurasia Septentrionalis Antiqua*). В 1924 г. А.М. Тальгрэн работал в музеях Ленинграда и Москвы, где много общался с А.А. Спицыным и В.А. Городцовым, но искал также новых знакомств. Так, в посланном из Ленинграда письме А. Эуряпя, он сообщал о совершенно в научном плане удавшейся поездке и о том, что от местных археологов можно получить много статей в *ESA*. Вместе с тем Тальгрэн застал ужасающую картину упадка и разрушения культуры, бедственное положение и преследования интеллигенции, что произвело на него необычайно тяжелое впечатление (27.7.1924 г.). Открыто и публично А.М. Тальгрэн выступил в защиту ученых Советской России лишь в 1928 г. в связи с репрессиями, обрушившимися на советских ученых, публиковавших свои работы за рубежом в авторитетном эмигрантском издании «*Seminarium Kondakovianum*», и прежде всего на академика С.А. Жебелева (открытое письмо руководству Главнауки, опубликованное в газете «Хельсинкин саномат» 16.12.1928 г.).

В 1925 г. Тальгрэн посещает Киев, Харьков, Саратов, Казань, Кострому, а в 1928 г. объезжает восточные и южные регионы СССР, включая Кавказ. Среди новых корреспондентов А.М. Тальгрэна — О.Н. Бадер, Г.И. Боровка, Н.Н. Бортвин, А.Я. Брюсов, В.Е. Данилевич, П.А. Дмитриев, А.В. Добровольский, Б.Н. Граков, К.Э. Гриневиц, М.П. Грязнов, А.П. Калитинский, Б.А. Латынин, А.М. Линецкий, Н.Е. Макаренко, Н.Я. Марр, Т.Н. Миняева, А.Г. Новицкий, Т.С. Пассек, Е.Г. Пчелина, В.И. Равдоникас, П.Д. Рау, М.И. Рудинский, П.С. Рыков, Г.С. Сосновский, В. Штейниц, И.В. Фабрициус. Возобновляется традиционный обмен литературой и информацией. К 1926 г. готов к выходу 1-й номер *ESA*, в котором приняли участие многие российские ученые. Вплоть до 1932 г. журнал осуществлял связь ученых СССР со своими западными коллегами и широко информировал западную научную общественность о научной жизни и развитии научных исследований в СССР (см., напр.: Miller 1956: 56—58).

После публикации А.М. Тальгрэном открытого письма в защиту советских ученых многие из находящихся с ним в переписке ее оборвали, некоторые, также в силу своего официального положения (Н.Я. Марр, Н.Н. Фирсов), реагировали единственно подходящим для них способом, то есть все опровергали и осуждали. Н.Я. Марр, к примеру, пишет о глубине расхождений между советскими учеными и Тальгрэном и просит позволить ему «сделать те выводы, которые сами собою напрашиваются в данной обстановке» (12.01.1929 г.). Тальгрэн это понял так, что он исключается из членов ГАИМК (проект ответного письма Н. Марру). На полях письма Н.Н. Фирсова, председателя Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, выражающего единодушное мнение общества о выступлении Тальгрэна «как совершенно недопустимом со стороны ученого и члена Общества» в местах общих фраз-лозунгов стоят пометки «фразы», восклицательные знаки и другие. Очень деликатно откликнулся Б. Латынин. В письме от 18.01.1929 г. (открытое письмо Тальгрэна быстро распространилось в Ленинграде) он пишет, что сам С.А. Жебелев и другие его знающие не сомневаются, «что в причинах не было ничего заведомо враждебного... Досадное недоразумение это может дискредитировать Вас, Вашу работу и редактируемый Вами журнал. Если бы это случилось (не все поймут происшедшее как недоразумение), пострадает, прежде всего, та самая наука, во имя которой Вы выступили». Он сообщает также, что С.А. Жебелев живет по-прежнему в Ленинграде и работает в обеих Академиях. На право печататься за границей также нет запретов. Несмотря на все, Латынин, как и другие ученики А.А. Спицына, послал статью в следующий выпуск *ESA*, готовившийся как юбилейный в честь Спицына (*ESA IV*). Выделяется М.Г. Худяков, написавший Тальгрэну 17 писем дружеского содержания, но в итоге заклеивший его как буржуазного националиста, а издаваемый им журнал (одна из наиболее крепких связей нашей науки с Археологией «Запада», по выражению Латынина — письмо от 18.01.1929 г.) — как буржуазную националистическую организацию (Худяков 1931: 25—29).

М.И. Ростовцев, в 1920-е гг. особенно активно переписывавшийся с А.М. Тальгрэном (11 писем), отчасти потому, что использовал последнего как посредника в связях с российскими (советскими) учеными, писал о лжи, пронизавшей всю Советскую

Россию, а о письме Н. Я. Марра, опубликованном в связи с «делом» С. А. Жебелева, как о сплошном «брёде безумца» (14.01.1929), который «убедил себя в том, что он большевик, и поверил этому, как поверил фантому своему яфетическому» (24.02.1929 г.). В этом же письме пишет, что глубоко жалко Сергея Александровича (Жебелева), которого «заставляют лгать просто для собственного удовольствия».

Это время связано не только с семинаром российских ученых в Праге. На него приходится усиление гонений на советских ученых. В письме от 07.02.1930 г., к примеру, Н. Е. Макаренко рассказывает о своей поездке в ноябре 1929 г. в Петербург, где он узнал, что «бедного А. А. Спицына уволили со всех учреждений». И. В. Фабрициус в письме от 13.01.1931 г. сообщает, что отстранена от работы и лишена права вообще на какую бы то ни было работу. В российской археологии наступили драматические времена. По мнению М. А. Миллера, это была своего рода октябрьская революция в археологии, приведшая в науку новое, уже советское, поколение ученых (Miller 1956: 33—157).

Тем не менее, связи Тальгрена с учеными из Советской России продолжались (по-

следние письма приходили еще во второй половине 1930-х гг.). Последний всплеск переписки приходится на 1935 г. (18 писем). Они несут в себе информацию о полевых работах, переписку по статьям для ESA (выпуск журнала был приостановлен в 1938 г.). Н. Е. Макаренко в своем последнем письме уже из Казани 17.09.1935 г. пишет, что уже год как находится там. Работать по специальности не может. Нет материала и литературы. 1935 год — это также последняя поездка А. М. Тальгрена с группой финских коллег в Советский Союз. К сожалению, письма А. М. Тальгрена к его советским коллегам в наших архивах обнаружить не удалось. Лишь в общих работах последних двух десятилетий по истории отечественной археологии можно найти отдельные сведения об упоминаемых в статье страницах сотрудничества российских и, в целом, западных археологов (Лебедев 1992; Клейн 1993; Формозов 1995).

Новый этап тесного сотрудничества российских и финских археологов наступил лишь во второй половине 1970-х гг. с организацией первых совместных научных симпозиумов. К настоящему времени проведено тринадцать, последний 17—10 октября 2004 г. в Пушкинских Горах (Псковская обл.).

Литература

- Клейн Л. С. 1993. *Феномен советской археологии*. Санкт-Петербург: Фарн.
 Лебедев Г. С. 1992. *История отечественной археологии*. Санкт-Петербург: С-Петербургского ун-та.
 Формозов А. А. 1995. *Русские археологи до и после революции*. Москва: Институт археологии РАН.
 Худяков М. Г. 1931. Финская экспансия в археологической науке. *Сообщения ГАИМК* 11/12, 25—29.
 Kivikoski E. 1960. *Tenty työ elää*. Helsinki: Otava.
 Miller M. 1956. *Archeology in the U.S.S.R. Published for the research program on the U.S.S.R.* London: Atlantic Press, 33—157.

References

- Klein L. S. 1993. *Fenomen sovetskoi arkheologii*. Sankt-Peterburg: Farn.
 Lebedev G. S. 1992. *Istoriia otechestvennoi arkheologii*. Sankt-Peterburg: S-Peterburgskogo un-ta.
 Formozov A. A. 1995. *Russkie arkheologi do i posle revoliutsii*. Moskva: Institut arkheologii RAN.
 Khudiakov M. G. 1931. Finskaia ekspansia v arkheologicheskoi nauke. *Soobshcheniia GAIMK* 11/12, 25—29.
 Kivikoski E. 1960. *Tenty työ elää*. Helsinki: Otava.
 Miller M. 1956. *Archeology in the U.S.S.R. Published for the research program on the U.S.S.R.* London: Atlantic Press, 33—157.

Статья поступила в номер 1 марта 2012 г.

Aleksandr Saksa (St.-Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.

Aleksandr Saksa (S.-Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Сакса Александр Иванович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: saksa@mail.natm.ru

Jussi-Pekka Taavitsainen (Turku, Finland). Ph.D., Professor. University of Turku.

Jussi-Pekka Taavitsainen (Turku, Finlanda). Ph.D., Professor. Universitatea din Turku.

Таавитсайнен Юсси-Пекка (Турку, Финляндия). Доктор философии, профессор. Университет Турку.

E-mail: justaa@utu.fi